

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НОРМЫ
В СОВРЕМЕННОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Кадеева М.И.

Исследование языка с позиций межкультурной и межэтнической коммуникации, межгруппового и межличностного взаимодействия вызывает повышенный интерес многих гуманитарных отраслей знаний: культурологии и социологии культуры, этнолингвистики и этнопсихологии, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, теории речевой коммуникации и речевого общения. В ряду разнообразных подходов к исследованию межкультурной коммуникации, определяемой как «общение людей, представляющих разные культуры» [1, 14], обычно выделяются теоретико-методологический, этнолингвистический, культурологический, лингвокультурологический, исторический и другие ракурсы освещения проблем взаимодействия языков и культур. Размежевать «территории» этих научных областей гуманитарного знания отнюдь не просто, но очевидно, что заметно повысились место и вес культурологической аргументации в современной науке о языке, поскольку уникальная, целостная, открытая знаковая система, какой является язык, вбирает в себя все культурное достояние народа, отражает этнические ценности, традиции, исторически сложившееся видение и понимание мира.

Длительное время культура рассматривалась как слагаемое «из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других особенностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [2, 18]. Позже наметилась тенденция оперировать определениями культуры аксиологического характера, в которых именно ценность занимает основополагающее положение: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть их единство и индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну и главную ценность» [3, 429]. При этом под *культурной ценностью* принято понимать «любой предмет, материальный или идеальный, предмет действительности или воображаемый, в отношении которого индивиды или группы занимают позицию оценки, приписывают ему важную роль в своей жизни и стремление к обладанию им ощущают как необходимость» [4, 52]. В аспекте нашего исследования актуально определение культуры, сформулированное Дейлом Хаймсом,

согласно которому культура есть все, что нужно знать и понимать, чтобы вести себя приемлемо в общении с членами данного общества [5].

Современная лингвистическая парадигма рассматривает язык как «символический ключ к культуре», в первую очередь, как продукт культуры и общества, в качестве такового он и должен изучаться. В условиях полиязычного общества, когда государственный язык и язык межнационального общения выступают носителями и трансляторами общечеловеческой общенациональной культуры, а другие осуществляют воспроизводство этничности, остро встает вопрос о проведении языковой политики. Языковая ситуация в любом полиэтничном государстве характеризуется сложностью и неповторимостью своей конфигурации в каждом конкретном случае, что объясняется множественностью социо-, этнолингвистических, а также политических, социально-экономических и ряда других факторов, определяющих ее состояние. Для оценки языкового состояния в Республике Казахстан как уникальном культурно-историческом евразийском ареале принципиальным является то, что «ни функционирование казахского, ни функционирование русского языков не может получить адекватного описания, если рассматривать данные языки вне их совместного функционирования в пределах единого коммуникативного пространства» [6, 154]. Все это закономерно влечет за собой возрастание интереса к взаимодействию и взаимовлиянию языков и культур, в частности к лингвистическим проблемам языковой нормы и нормативности, возникающим при речевом кросс-культурном общении.

Межкультурная коммуникация как особая разновидность социальной коммуникации имеет место в процессе контактирования представителей разных этносов в различных сферах общественной жизни. Традиционное и наиболее распространенное понимание *межкультурной коммуникации* трактует ее как «диалог носителей разных культур» (и, как правило, языков) [7]. При этом обычно предполагается, что: 1) участники процесса межкультурной коммуникации принадлежат к одному «синхронному срезу» (т.е. являются современниками); 2) коммуникация носит двусторонний характер, поскольку каждый из ее участников поочередно выступает в роли адресанта/адресата; 3) процесс межкультурной коммуникации протекает в ус-

ловиях непосредственного контакта его участников, хотя они могут быть как сосредоточены в пространстве (устное сообщение, которое рассматривается как наиболее типичный случай), так и не иметь непосредственного соприкосновения (например, переписка, интернет-сообщение и т.п.).

Усиление личностного начала, диалогичности, стилистического динамизма, когда «норма становится не столько системой запретов, сколько выбором языкового средства» [8, 15], приводит к преодолению «центризма» литературного языка, дающего единственно правильный вариант. Функциональное расширение нормативности ослабляет аспект «запрета» и усиливает разрешающую, лингвокреативную, сторону речевого общения. Диапазон вариативности становится все более широк: разные функциональные разновидности, разные жанры речи, разные ситуации предполагают свои нормы. Как отмечает Е.Н. Ширяев, нормы общения, например, в микроколлективах регулируются ими самими, и никакие общие рекомендации здесь не нужны [8]. В этом случае норма из «узаконенного установления», строго регламентирующего речевые действия коммуникантов, переходит в *прототипическую норму* – «правило, стандарт, одобряемый обществом и требующий подражания». Шкала прототипических оценок, ориентируясь на наиболее частотный образец коммуникативного поведения, включает суждения о том, насколько рассматриваемые речевые действия близки прототипу – «лучшему образцу категории». Прототипический подход, таким образом, позволяет допустить, что все члены категории в зависимости от наличия/отсутствия характерных свойств могут быть в большей или меньшей степени близки прототипу, отсюда когнитивный механизм выбора модели речевого поведения должен базироваться на альтернативах «принято/не принято», «удобно/неудобно».

Коммуникативная ситуация в современном Казахстане характеризуется не только решительной трансформацией государственного, социального, экономического устройства, политической системы, идеологических доминант, сопряженной с ломкой стереотипов поведения, переориентацией морально-этических установок, но и неоднородностью языкового коллектива в отношении владения литературным языком. При этом отмечается одна важная, с нашей точки зрения, черта – бесструктурность языкового сообщества, отсутствие осознанной, институализованной иерархии в отношении владения языком. Иными словами, (не)владение кодифицированным литературным языком не связано

жестко с социальной структурой общества, с наличием особо выделенной культурной элиты. Несмотря на множественность элит (политических, экономических, интеллектуальных, спортивных, артистических), создающую ситуацию, отличную от жизни сословных обществ, в недрах которых формировались в свое время литературные языки, отсутствие языковой элиты приводит к смене «языковых/речевых вкусов», когда говорить правильно перестает быть престижным. Уровень полученного образования является лишь формальным критерием, который не гарантирует ни корректности использования языковой нормы, ни тем более принадлежности индивидуума к числу ее носителей. Сниженное или неустойчивое знание литературной нормы приводит к столкновению речевых навыков самых различных социальных слоев, что, с одной стороны, несомненно, делает лабильной литературную норму; с другой – побуждает лингвистов снижать порог нормативных запретов.

Отмечаемое в последние десятилетия беспрецедентное влияние средств массовой информации (коммуникации) на все сферы человеческой деятельности приводит к формированию новых норм и представлений о норме, которые ассоциируются со специфическими изменениями социальных стереотипов и культурной среды во всем «посткоммунистическом» пространстве. На смену общению, официально подготовленному, выверенному в соответствии с языковыми и коммуникативными нормами, приходит общение, неподготовленное, непосредственное или квазинепосредственное. Резкая граница, которая проходила между неофициальным общением и официальным публичным общением, намеренно и ненамеренно размывается. Благодаря массивности печати, радио, телевидения, социально значимые тексты, продуцируемые современными масс-медиа, доминируя над всеми другими видами текстов, все более усиливают переход функции задания языковой нормы от художественной литературы к средствам массовой информации. «Теперь язык прессы и звучащих средств массовой информации все меньше смыкается с книжно-письменным типом литературного языка», который «сокращает сферу своего распространения и во многих областях терпит вторжение чуждых ему элементов» [9, 3].

Вместе с тем норма, задаваемая современными СМИ, иная по своей природе, чем норма, поддержанная авторитетом художественной литературы. Выстраивая связи с ситуацией 1917 г., многие исследователи отмечают ограниченность этих параллелей, а кроме того, невозможность отделить факторы, специфичные для постсовет-

ской действительности, от факторов транснациональных, связанных с общими культурными и информационными процессами в современном мире. В 20-е годы XX в. язык русской классики имел живых носителей в виде старой интеллигенции; речь шла о советизации этого языка и, соответственно, об ассимиляции его носителей. Другая проблема была связана с преодолением неграмотности. Обучение нормам литературного языка, следовательно, было обучением старому литературному языку (имевшему живых носителей) с учетом советизации этого языка. Таким образом, проблема решалась в условиях сотрудничества представителей старой культуры и идеологов культуры новой.

Отношение к норме современных носителей языка позволяет объяснить многое из того, что происходит сегодня, и сформировать ясное представление о том, что мы имеем дело с особой культурной парадигмой, в рамках которой подвергается деформации не только языковая норма, но и нормы этики, отношения государства и индивида. Изменяется шкала ценностей в отношении социально и нравственно значимых явлений, традиционно ценное в культуре общества «переворачивается», и происходит, таким образом, взаимодействие элитарной и массовой культуры. Это является следствием «открытости» нормализационных и кодификационных процессов, их принципиальной незавершенности в связи с потенциальными изменениями в жизни общества. Сложившаяся ситуация, с одной стороны, вызывает индивидуальное языковое экспериментирование, а с другой – снижает ощущение коллективной ответственности за сохранность языка в целом, за гомеостат языка. Похоже, что мы являемся свидетелями процесса формирования новых норм, процесса обновления и перегруппировки активных средств языка, и нам приходится согласиться с тем, что «языковая мода оказалась прямо связанной с усреднением изменяющегося речевого стандарта, с ориентацией его на язык средств массовой информации, а не на художественные тексты, как это было давно» [9, 34]. В связи с этим в культурно-речевых оценках наблюдается ослабление аспекта «запрета» и усиление разрешающей (креативной) стороны ортологии, и тогда «норма становится не столько системой запретов, сколько выбором языкового средства» [8, 15].

В сложившейся ситуации, когда важно более настойчиво вырабатывать ценностные ориентиры и предпочтения в области речевой культуры, возрастает роль лингвистов в кодифицировании языка, стандартизации языковых

норм. В условиях языкового суверенитета культура речи, которая ассоциируется со списками правильных (подлежащих выучиванию) и неправильных (подлежащих запрету) произношений или написаний отдельных звуков, слов, словосочетаний в слабых (вариативных) позициях, должна стать наукой о нормативной речи как системном объекте со сложной многоуровневой организацией. При таком подходе критерием правильности будет выступать уже не отвлеченный от речи «образец», однозначно предписываемый ортологическим меморандумом для облегчения (однозначного) выбора, а как коммуникативное задание данного типа речевых произведений в данных коммуникативных условиях. Соответствие коммуникативному заданию – и есть главная, инвариантная, норма. Норма, таким образом, сможет регулировать выбор одного из возможных вариантов, предоставляемых языком говорящему, а понятие уместности выбора придет на смену запрету и жесткому предписанию, формируя понимание толерантного отношения к стилистическому разнообразию вариантов, когда каждый из них потенциально уместен в определенной коммуникативной ситуации. В таком понимании ортология может стать диалектикой толерантности и пурризма, креативности и регламентирующего, предписательного начала.

В современной языковой ситуации оказывается упущенным глобальный, лингвофилософский, аспект, вместе с тем процессы, о которых идет речь, достаточно серьезны и ставят ряд проблем, в том числе выходящих за рамки языка, поскольку расшатывание грамматики, – а несуммируемые, слабо типизируемые эксперименты при безразличии к целому и есть расшатывание грамматики – ведет к расшатыванию логики. Карл Бюлер, ссылаясь на Эдмунда Гуссерля и полемизируя с Хейманом Штейнталем, утверждал, что «грамматическая правильность предшествует логической и грамматика в целом служит основой логики». Разрушение гомеостата языка, по-видимому, создает угрозу не только языку, но и мышлению. Поэтому формирование общественного мнения – задача, стоящая перед лингвистами, писателями, являющимися популяризаторами правильной, эстетичной речи и своеобразными доминантами субстрата в оценке языкового вкуса носителей языка и эпохи в целом. Нормы должны культивироваться государством, закрепляться в законодательных актах, правительственных постановлениях, в сводах орфографических, орфоэпических правил и других предписаний, которые обязательны

для соблюдения, по крайней мере, грамотной частью языкового коллектива.

«В задачи языкового планирования не входит поощрение или предотвращение языковых изменений. В его задачи не входит защита единообразия или разнообразия речи отдельных говорящих или групп говорящих. В его задачи не входит противодействие или содействие процессу межязыкового заимствования: оно может лишь работать на пурификацию или гибридизацию. Оно может защищать или расширение, или ограничение ресурсов языка. В его задачи не входит повышение эффективности в ущерб красоте; оно может развивать как точность, так и выразительность языка. В его задачи не входит даже сохранение того языка, для которого оно предназначено: языковое планирование может быть направлено на сдвиг данного языка в сторону другого» [10, 443].

Таким образом, движение и эволюция языковых норм – закономерное и естественное явление. Развитие есть реакция на вызовы времени, с которыми постоянно сталкивается язык. Язык нельзя уподоблять устройству, вроде будильника, заранее запрограммированного на динамические изменения, независимые от того, что происходит вокруг, и вызванные потребностью в непрерывном прогрессе. Языковые изменения, возникающие как результат столкновения адаптивной системы с экстралингвистической внешней средой, характеризуются сложными соотношениями со всей историко-культурной ситуацией. Осознание и исследование особенностей кодификационных процессов, выявление их основных типов и форм имеет огромное значение не только для лингвистической теории, но и для всей культуры общества. В основе критерия оценки языкового изменения должно лежать понимание того, что язык призван выполнять разнообразные функции в обществе. Сегодня проблематика нормы «встроенна» в систему знаний о коммуникативном процессе, что не может не влиять на ее содержание. Речевая «раскрепощенность, с одной стороны, стимулирует творческие потенции языка, с другой, зачастую дает «зеленый свет» проявлениям безграмотности и дурновкусия» [11, 85]. Важным при этом является признание нормы не как застывшего, но как гибкого и не чуждого изменениям явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие – М.: Слово, 2000. – 368 с.
2. Тайлор Э.Б. Первобытная культура / Пер. с англ. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. – 576 с.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
4. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Пер. с польск. – М.: Прогресс, 1969. – 248 с.
5. Hymes D.N. Report from an underdeveloped country: Toward linguistic competence in the United States // The sociogenesis of language and human conduct. – N.Y.; L.: Plenum, 1983. – С.189-224.
6. Сулейменова Э.Д. Функционирование русского языка в Казахстане в условиях новой языковой политики // Культура русской речи в Кыргызстане: Материалы регион. научн.-практ. конф. – Бишкек, 2003. – С.150-156.
7. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. – М., 2003. – 164 с.
8. Ширяев Е.Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С.13-21.
9. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. – М.: Академ. проект, 2001. – 352 с.
10. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социоллингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С.441-472.
11. Жукова А.Г. Ортология как компонент культуроречевого цикла дисциплин для студентов-филологов // Культурно-речевая ситуация в России: Вопросы теории и образовательных технологий. – Екатеринбург, 2000. – С.84-85.

Түйін

Мақала варианттардың стилистикалық әртүрлілігіне толеранттық қатысты қалыптастыратын коммуникативтік норманы мәдениетану негізінде дәлелдеуге арналған.

Conclusion

The article is aiming the communicative regulation cultural argumentation, the latter being responsible for the formation of the tolerant relation to the variants' stylistic diversity.